

Прятаться под матом было душно, пыльно и неудобно. Ещё и приходилось держать плоскость, чтобы от двери он выглядел ровно лежащим на пачке таких же, стопкой хранящихся книзу. Маты тогда складировались в мужской раздевалке у Зала движения.

– Безобразие! – раздавалось из коридора. – Позорище какое-то! Где они все?! А???!!! Вы где все?!!!

Происшествие относится к концу мая 1985 года. Мы заканчиваем второй курс у Семёна Эммануиловича Лермана. Он ищет нас, свой курс, который в панике от него разбежался. Что-то мы все не сделали крайне для него важное, даже не помню сейчас что.

Начиналось всё обычно. Большой зал, полкурса на месте, московское время 14.55, тут входит Мастер и – обвал. Всё не так. Дежурных нет, знамя в непотребном виде, в углу какие-то рваные бумажки, в полукруге сидят далеко не все. Смотрит Мастер и произносит зловеще:

«ПРЕКРАСНО!» Затем гневно выходит и в несколько секунд бывшие на месте прыснули кто куда. Когда же Мастер вернулся, он застал пустые стены. И началось...

— Это невозможно! Я ни на одном своём курсе такого не встречал! Это форменное безобразие!!! — Семён Эммануилович НИКОГДА не ругался матом. — Не-е-ет! Я их найду. Всех. Я им покажу!

Стоит объяснить. С первого дня Мастер установил на курсе подобие армейской дисциплины. Провозгласил, что мы, курс, — некое творческое подразделение, у нас, соответственно, должны быть своё знамя и гимн. Знаменем стала купленная в «Художественных промыслах» скатерть, ей застилался стол педагога на мастерстве. Гимном сделались слова, положенные на мелодию «Охоты на волков» Высоцкого.

*Каждый день от зари до заката
И сегодня опять, как вчера,
На площадку выходят ребята,
Здесь их жизнь, а не просто игра.*

*Идёт работа на износ, идёт работа,
Не знаем отдыха, не видим сладких снов,
И сходит за день с нас четыре пота,
Труд на ковре и яркий свет прожекторов...*

— Знамя валяется на стуле! Помещение не прибрано! — бушевал Лерман. — Это не Большой зал, а помойка! Я не воспитываю актёров из свиней!!!

— Я сейчас чихну, — прошептал из-под матраца парень слева от меня.

— Я тебе чихну, — яростно просипел справа староста нашего курса Валера Беляев [1], — ты, вообще, что здесь делаешь? Ты, по-моему — Чудинов [2]? Ты же с 1-го кукольного!

— И что?! Ему сейчас всё равно, кто подвернётся...

— Где этот любитель Розенбаума Котов [3]?! На гитаре он играет! Я ему сыграю! — Дверь в раздевалку распахнулась. — И здесь никого! Как тараканы!!!

Дверь закрылась с грохотом. Мы выдохнули.

Тут открылась дверь из Зала 1вижения, и раздался голос Ирины Алексеевны:

— В чём дело?! У меня занятия!

Не надо было видеть, мы знали — Дацук стоит на пороге в своих неизменных коричневых вельветовых клёшах и с пластмассовой гимнастической палкой в руке (нерадивым бывало больно).

— Что такое?! Семён Эммануилович! Постарайтесь держать себя в руках!

И грохнула дверью не слабее Лермана.

Как же много нам дала Ирина Алексеевна! Прошли десятки лет, но и сегодня я смогу чётко отработать хук справа и слева, падение от удара ногой в лицо, помню точно, где должен располагаться большой палец правой руки при схватке на ралирах...

— Где этот староста-пограничник?! Какой осталоп ему доверили охранять Государственную границу, когда он каких-то студентов собрать не может??!!

Валера служил срочную в погранвойсках и на днях пришёл в Училище в фуражке с зеленым околышем — был День пограничника.

— Где этот Аккуратов [4], трясущий жирными ляжками в «Дельце»?

«Делец» по пьесе Алексея Толстого был нашим первым полноценным спектаклем, сданным уже в конце 2-го курса, пошедшим и в дипломный показ. Рива Яковлевна Левите сделала из него прекрасный водевиль. Очевидно, Мастер немного ревновал к Левите, как к режиссёру-педагогу своего курса, каким-то образом вывешивая степень любви студентов к ней и к себе. Но кто не любил Риву Яковлевну?! Счастье, что она пре-

подавала на моём курсе мастерство актёра и основы режиссуры!

Ляжки – вот почему. В одном из эпизодов «Дельца» есть ремарка: входит Гарри в теннисном костюме, – где, спрашивается, было взять в Горьком такой костюм? Вот и выходил я в белых советских шортах, а они были мне коротковаты...

– Где эта несносная Дацук [5]?! И Туркова [6] туда же! – митинговал Лерман, продвигаясь в сторону выхода на улицу. – Где этот Ярлыков [7]?! О режиссуре он мечтает! Я сейчас вам всем покажу такую режиссуру!!!

На третьем уже курсе Борис Наравцевич начал с нами работу над спектаклем «Завтра была война» по Борису Васильеву. Борис Абрамович, как он рассказывал, долго «пробивал» саму возможность этой постановки по инстанциям. Чиновники от культуры в испуге отказывали, несмотря на журнал «Юность», предъявляемый им режиссёром-педагогом. Не действовало на них, что повесть – вот она – опубликована всесоюзным журналом. Боялись. Наравцевич рассказывая нам, недоумевал: один из не дававших «добро», пожилой, похоже, что фронтовик, Гитлера на войне не боялся, а тут упоминания в пьесе Сталина, своего Главкома – опасается... Тогда собрал нас педагог-режиссёр и сказал: «Начинаем работу. Разрешение получим позже. Но особо не распространяйтесь. Татьяна Васильевна на нашей стороне».

Это был странный период. Мы шифровались. На вопросы – что репетируете? – отвечали уклончиво. «Застольный период» прошёл, как у подпольщиков, тихо, наметили всё, что требовалось, пора было приступать к работе на площадке. И тут случился удар под дых. И нам, и Горьковскому ТЮЗу. Борис Абрамович скоропостижно скончался.

Наравцевича, без преувеличения, провожал весь город.

Мы, курс, попросили у руководства училища не бросать наработки Бориса Абрамовича и всё же сделать спектакль. В итоге ставить «Завтра была война» был приглашен актёр ТЮЗа, Народный артист Республики Александр Романович Палеес. Со стороны курса нашего, как человека с задатками режиссёра, как того, кто «мотал на ус» и точно помнил задачи, чтоставил Наравцевич, в статусе ассистента, в виде исключения привлекли Андрея Ярлыкова. Мы доверяли обоим.

Они беспощадно спорили. Ругались. Соглашались, опять ругались. Палеес предлагал одно, Ярлыков другое, мы, занятые в спектакле, третье, ругались и соглашались, и снова разбегались во мнениях и взглядах. Спектакль состоялся. Потом, на Государственном экзамене в 1987 году «Завтра была война» стал, что ли, самым искренним нашим дипломником... Он был записан на Горьковском телевидении и показан в эфире. Никто из нас, увы, не знал, что, показав один раз, Государственное телевидение – тогда были жёсткие лимиты на плёнку – повторяет программу через неделю, а затем данная дефицитная видеоплёнка идёт под новую запись. И ничто не архивируется...

– А жена этого будущего режиссёрского светила Лаптиева [8] – где?! Взяли моду – жениться!!! То Котов с Турковой, теперь эти! Красота какая! Я вам всем, бездарь проклятые, устрою тут свадьбу с приданным!!!

В начале пряток два Сергея – Цепов [9] и Турицин [10] – оказались умнее всех. Взяли, да и пошли от греха подальше – пить пиво в ларёк на Чёрный Пруд. Там продавали тогда в розлив. Лёша Лудинов [11] с Олегом Гаяновым [12] спрятались в старой «Победе», стоявшей на вечном приколе на спущенных колесах носом к электрической будке у скверика во дворе училища. Это сейчас там перегорожено забором, а тогда та территория считалась собственностью студентов. На ней-то в кустах и затаились многие наши девушки.

Наших девушек, да всех нас, во многом воспитывала А. А. Нестерова. Не прямо – я, мол, преподаватель и педагог. Самой собой. Своим умением тонко пощутить. Со значением выдержать паузу. Намекнуть. Держать стиль в одежде. Не хотелось её огорчать. Хотелось как можно глубже постичь русскую и зарубежную литературу. Каждый, как мог, учил

и готовился. Недоумённая реплика Альбины Александровны, вышедшей из учительской: «А что, собственно, происходит?» – не нашла ответа...

Мастер проследовал в подвал. Ни в курилке (сейчас перепланировано, и где была курилка – буфет), ни в кабинках мужского туалета он никого не нашёл. Володя Рузанов [13] был от него в паре метров – затаился в хранилище для лыж. В моё время была разнарядка сверху, и училище настаивало на всестороннем физическом развитии студентов – владело лыжами, палками, ботинками... Закуток для всего этого существовал строго напротив кабинок мужского туалета. Володя знал – он был кем-то вроде физрука курса, – как проникнуть внутрь, не трогая замок. Когда Лерман вошёл, он просто замер.

Нет, обычно, когда Семён Эммануилович входил куда-то, никто не замирал. Он не страдал заполнением собой пространства. Но болезненно реагировал, если его вдруг не замечали. А тут и замечать, оказалось, некому, хотя должны были быть...

– Нет, это решительно невозможно! – гулко разносилось по подвалу.

– С такими студентами только позориться! Где были мои глаза, когда я их набирал?!

В дамском туалете прятались ещё двое. Они с тоской ждали неминуемого разоблачения, тем более, что один из них был парнем. Лерман постоял какое-то время у двери, потребовал, чтобы вышли все, построились и таким образом немедленно сдались, но внутрь входить не стал. Семён Эммануилович был всё-таки в прошлом артиллеристом, но никак не кавалеристом. Сказал только, когда не вышел никто: «Стыдно!!!» И отправился сотрясать воздух дальше – наружу.

– Стыдно, – согласился Антоша Козырев [14], обращаясь к Але Смеловой [15], стоя с ней на одном унитазе в запертой изнутри кабинке, – зато живые!

Часть наших, засевшая во дворе, услышала громкий хлопок входной двери в Училище. Как-то сразу стало ясно, что – идёт. Девушки в кустах слились с листьями. Таня Дорофеева [16], как лань, умчалась куда-то на задворки библиотеки им. Ленина. Те, кто скрывался за углом пятиэтажки, резво побежали в арку дома через дорогу, едва не попав под трамвай № 2. Андрей Журавлёв [17] и Маша Бондарева [18] засели в чём-то не запертом сарае во дворе, наблюдая происходящее как через танковую амбразуру. Андрей позже сформулировал: «Он прошёл мимо молча, только искры от него летели, наверное, как Наполеон на острове Святой Елены. Не особо даже глядел по сторонам».

Тем временем мы под матами услышали голос Л. В. Орлович. Она с кем-то разговаривала, идя по коридору:

– И что это он так разошёлся?! Нет, я его понимаю! Иногда они ведут себя как законченные негодяи и могут так завести, что ещё громче зорёшь...

Людмила Викторовна занималась с нами, «восьмиклассниками». А таких у нас было полкурса. Может быть, её занятия и не были чем-то радикально передовым в искусстве преподавания сценической речи. Но это была серьёзная, подлинно классическая школа. От говоров, акцентов, дефектов произношения, «пятнадцати» она почти избавила всех нас уже к концу первого семестра первого курса. Пары с Орлович кому-то казались страшным занудством – «Сто весёлых индюшат на кораблике спешат» – с подбросом партнёру напротив теннисного мячика, – но подачу голосом эти упражнения развивали превосходно. Да и позже при работе со стихами, прозаическими отрывками и подготовке дипломных работ по речи Л. В. давала иногда такие подсказки, какие и мастера курса не могли предложить. О, она нас знала...

Благодаря фамилии, я проходил вступительный первый тур в первый день в первой «десятке». Первым. Вышел, встал перед приёмной комиссией. На вопрос «Сколько Вам лет?» ответил: «Пятнадцать скоро будет». Смешок среди членов комиссии. На вопрос «Как скоро?» сказал

так: «в октЯбре». Почти хохот. Чей-то вопрос: «А не в ноябре? – «Нет, я же помню. Точно в октЯбре». Откровенный хохот всех. Пауза. – «Ну что ж, читайте».

Отчитав программу, я сел на свой стул, а он был у края стола комиссии, и сидящий ко мне ближе всех благообразный мужчина с эспаньольской похлопал меня по колену и эдак задорно переспросил: «Пятнадцать, говоришь, х-х-х, чувак, ну ты запомнился!» Это был Станислав Анатольевич Белов, потрясающий композитор, аккомпаниатор и музыкант. С ним потом так славно работалось.

Мастер вернулся к дверям училища со стороны пл. Свободы. Войдя внутрь, Лерман целенаправленно отправился в директорский кабинет к Цыганковой. Мы в раздевалке моментально поняли, кто прошёл сейчас мимо – мурашки так и побежали. Татьяны Васильевны на месте не оказалось. Видимо, к счастью. Дальше – догадки, поскольку апофеоза не наблюдал никто. Из центра фойе первого этажа пролилась итоговая гневная проповедь. Так и вижу, как Семён Эммануилович воздевает руки к небу...

– БЕЗДАРНЫЙ КУРС! БУДЬ ПРОКЛЯТ ТОТ ДЕНЬ, КОГДА Я ЕГО НАБРАЛ! ПРОВАЛИСЬ ВСЁ ПРОПАДОМ! УВОЛЮ ВСЕХ ЭТИХ БЕЗДАРЕЙ! ПОТОМ САМ УВОЛЮСЬ!

И – тишина. Как выяснилось позже, Мастера молча взяла за локоть Софья Владимировна Гуревич (как она умела вести уроки французского!) и увела в свой крошечный кабинетик с табличкой «Завуч». Там она долго поила Лермана чаем с мятой...

Мы выползали из своих укрытий, как пережившие крововую бомбардировку солдаты разбитой армии. Постепенно все собирались во дворе. Постановили, что нужно сдаваться. Отправились в Большой зал. Прибрались. Утвердили на месте знамя. Расселись в полукруг и начали стойко ждать своей участии.

Мастер вошел примерно через полчаса. Посмотрел на нас на всех, сел за стол. Тихим голосом заявил, что несколько погорячился. Выразил надежду, что подобного ему более испытывать не придётся, и объявил продолжение репетиции спектакля «Плоды просвещения» по пьесе Л. Н. Толстого. Присовокупив не очень понятый пассаж, что жизнь снаружи и жизнь на сцене – суть понятия разные. И наружное даёт лишь некоторый, иногда, правда, весьма мощный толчок к творчеству, который мы вольны превратить в явление искусства, если сможем. Подозреваю, что никто из нас ничего из его слов не понял, но репетиция началась.

Много позже, беря интервью у Мастера в 2000-м году к 55-летию Победы на телевидении в прямом эфире, я спросил: «Какое Ваше самое яркое впечатление за военные годы?» Семён Эммануилович ответил: «Форсирование Днепра». Он служил командиром батареи тяжелых орудий. Всегда говорил: война у каждого была своя. Мы, говорит, были из ближнего тыла. Дивизионщики. Это не передовая. Палили по секторам, согласно переданным нам координатам. Чтобы вы поняли, рассказывал Лерман, это такие пушки со столбиками по обе стороны ствола. А тут – форсирование Днепра. Ад. Ночь. Плацдармы уже нами захвачены, немец бьёт по своим прежде пристрелянным секторам, мы плывём с пушками и боекомплектом на каких-то плотах-не-плотах, бомбят и обстреливают жёстоко, светло почти как днём, соседний плот разбило прямым ударом, река кипит – а я смотрю в небо. Трассы выстрелов во все стороны, горит и падает чей-то самолёт, взрывы и завывания с неба, грохочет всё. А я, говорит, думаю про себя: какая смертельно опасная, ужасная, гибельная, но – красота! Доплыл, развернул уцелевшие орудия батареи вовремя, открыл огонь. Был представлен к ордену.

Да простят меня педагоги и однокурсники, которых не получилось упомянуть в данном тексте, иначе он затянулся бы до бесконечности.

В повествовании, скорее всего, есть хронологические и фактические несоответствия. Все же с того дня прошло более 30 лет.

Я бесконечно благодарен Училищу за то, что оно дало мне.

Лерман и его ученики

Справка сегодняшнего дня

1. Беляев Валерий Викторович – актёр театра и кино, московский продюсер, занимается, в частности, организацией театральных фестивалей.
2. Чудинов Александр Владимирович – режиссёр на телевидении и в театре, режиссёр-педагог, мастер курса в НГТУ им. Е. Евстигнеева.
3. Котов Юрий Михайлович – Заслуженный артист России, актёр Нижегородского государственного академического театра драмы им. Горького.
4. Аккуратов Павел Геннадьевич – в прошлом театральный актёр, телеведущий. Ведущий программ нижегородского радио «Образ».
5. Дацук Светлана Юрьевна – актриса Нижегородского ТЮЗа.
6. Туркова Елена Вячеславовна – актриса Нижегородского государственного академического театра драмы им. М. Горького.
7. Ярлыков Андрей Алексеевич – Заслуженный артист России, режиссёр-постановщик, режиссер-педагог, мастер курса в НГТУ им. Е. Евстигнеева.
8. Лаптиева Ирина Владимировна – режиссёр-постановщик, актриса Нижегородского театра «Вера».
9. Цепов Сергей Вячеславович – киноактёр, актёр Российского государственного академического театра драмы им. Федора Волкова (Ярославль).
10. Турицын Сергей Федорович – был актёром Кировского областного драматического театра. Скончался в 2015 году.
11. Лудинов Алексей Александрович – киноактёр, актёр Театра на Васильевском (СПб).
12. Гаянов Олег Александрович – киноактёр, актёр Академического Малого драматического театра (СПб).
13. Рузанов Владимир Александрович – театральный и киноактёр, режиссёр театра и кино, продюсер. Живет и работает в Ростове-на-Дону.

14. Козырев Антон Павлович – подполковник полиции ГУВД Кировской области.

15. Смелова Альбина Владимировна – Заслуженная артистка России, заслуженный работник культуры Пензенской области, актриса Пензенского областного драматического театра им. Луначарского.

16. Дорофеева Татьяна – актриса Нижегородского театра «Комедія».

17. Журавлёв Андрей Евгеньевич – Заслуженный артист России, актёр Тверского академического театра драмы.

18 Бондарева Марина Ивановна – живёт и работает в родной Риге, актриса, модель, певица.

Наши дипломные спектакли

«Варвары» Горького – постановка С. Э. Лермана.

«Делец» Алексея Толстого, «Сид» Пьера Корнеля – постановка Р. Я. Левите.

«Завтра была война» Бориса Васильева – постановка Б. А. Наравцевича, А. Р. Палееса, Андрея Ярлыкова.

А председателем ГЭК у нас был тот, чьё имя теперь носит Училище – Евгений Евстигнеев.

2018. Июль
